

Общественно-политические процессы и социальные коммуникации: теория и методология

А.С. Панов

АМБИВАЛЕНТНОСТЬ ОБРАЗА ОДЕССЫ В РЕПРЕЗЕНТАЦИЯХ РУССКИХ И АМЕРИКАНЦЕВ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX в.

В статье рассматривается образ Одессы в репрезентациях американских и русских путешественников, побывавших в городе в первой трети XIX в. На ментальной карте России крупнейший порт недавно образованной Новороссии предстает младшей сестрой столицы империи – Санкт-Петербурга, – открывающей второе окно в Европу на Юге. Подобное представление в зависимости от политических и историософских установок русских и иностранных современников формирует двойственную природу восприятия города. Особый интерес в этой связи представляет видение Одессы американскими путешественниками, только начинающими в XIX в. «изобретать» образ русского «Другого».

Ключевые слова: российско-американские отношения, имагология, ментальная география, ориентализм, имперское пространство, модернизация.

«Не судите Одессу как русский город. Это разноплеменный рынок, где выгода соединила людей из разных мест в одно общество. Этот город – явление искусственное, но, однако же, не насильственное, как Петербург. Это город, весь созданный из иностранных элементов, связанных довольно дружелюбно русским цементом», – так писал в письме о столице Новороссии публицист, поэт и славянофил Иван Сергеевич Аксаков в 1848 г.¹ Еще одно его высказывание, уже 1855 г., логически продолжает эту мысль: «Одесса город не русский <...>, город, созданный барышом, город, во многих отношениях производящий то же впечатление, как и Петербург»².

Несмотря на то что эти два высказывания Аксакова относятся к чуть более позднему периоду, они очень точно передают то, как русские интеллектуалы первой половины XIX в. воспринимали Одессу. Для них она во многом была младшей сестрой столицы Российской империи – Санкт-Петербурга, и это легкообъяснимо. У двух городов схожая судьба: на их месте когда-то была почти пустота – рыбацкие деревеньки, окруженные просторами степей или лесов, – но по воле правителей береговая линия покрылась гранитом и каменными домами. Если петровская столица России символизировала вхождение страны в сонм европейских держав Севера, то Одесса стала своеобразным ключом империи к Югу и важной частью наследия Екатерины II, второго великого правителя XVIII в.

Проблема восприятия Одессы, и косвенно Санкт-Петербурга, современниками может быть рассмотрена еще в одном измерении: культурно-цивилизационном. Имперская столица была главным экспонатом успеха европейского модернизационного проекта послепетровского времени. И если одних представителей интеллигенции, либералов и западников, примеры Петербурга и Одессы вдохновляли и заставляли с надеждой смотреть в европейское будущее страны, то для других эти два города являлись горькими признаками продолжающейся деградации нации, отвернувшейся от своих корней ради «гнилого Запада»³. «...От людей так и несет холодом. Русского радушия и слыхом не слыхать, не то чтобы видом повидать. Да и как существовать ему, этому свежему, теплему, святому чувству, в городе, населенном преимущественно Евреями и выходцами из Западной, дряхлой, хладеющей и отживающей век свой Европы», – так характеризовал Одессу один из анонимных читателей «Москвитянина»⁴. Ему отвечал другой корреспондент: «Ради Бога, господа, удержитесь от таких юношеских фраз и погодите еще отпевать Западную Европу, когда она, слава Богу, здравствует. Чем виновата эта Европа, что она – не то, что мы»⁵.

Подобная амбивалентность в характеристике образа города характерна не только для внутрироссийских дискуссий, укладывающихся в более широкий контекст споров славянофилов и западников о роли и судьбе России. Привлечение записок иностранных путешественников поможет раскрыть дополнительные контексты, например о представлениях людей того времени о границе между Востоком и Западом и месте России на философской карте мира. Предзнание европейцев и американцев о России в начале XIX в. формировалось под влиянием ориенталистского дискурса, ключевым элементом которого был образ «ширмы» или «фасада». Ведя свою родословную от знаменитых «Потемкинских деревень», он

представлял всю Россию своего рода огромным театром, на сцене которого поставлен спектакль, имитирующий европейский образ жизни, но за кулисами которого сохраняются азиатские (полуварварские) практики⁶.

Анализ образов Одессы в репрезентациях русских и американских путешественников будет опираться на методологию имагологического исследования, позволяющего понять, почему реальное воображается именно так, а не иначе, почему в тот или иной момент времени оказываются востребованы именно эти сюжеты, а не другие, каковы дискурсивные практики конструирования образов «Другого», насколько последние подвижны и т. п.

В статье будут рассмотрены три травелога – два американского и один российского происхождения, – авторы которых побывали в Одессе примерно в одно время – в середине 1830-х гг. Первый из них – Джон Ллойд Стефенс, профессиональный путешественник, издавший несколько книг о своих приключениях в Европе, Африке и Южной Америке. «Случаи в путешествии по Греции, Турции, России и Польше», опубликованные в 1838 г., получили широкое распространение среди читательской аудитории: через две недели после начала продаж готовилось уже третье издание, а всего за год их было шесть. Путешествие Стефенса по России началось в Одессе, после чего он отправился через Киев и Москву в Петербург. Второй американец – Генри Уикофф, также профессиональный путешественник и дипломат, пользовавшийся репутацией авантюриста и ловеласа, что еще раз подтвердили «Воспоминания бездельника», вышедшие в 1880 г. В своем российском путешествии Уикофф следовал в направлении, обратном маршруту Стефенса, – из Санкт-Петербурга в Одессу. Автор российского травелога – Николай Сергеевич Всеволожский, государственный и военный деятель, библиофил и издатель, близкий к пушкинскому кругу. Его «Путешествие чрез Южную Россию, Крым и Одессу в Константинополь, Малую Азию, Северную Африку, Мальту, Сицилию, Италию, Южную Африку и Париж в 1836 и 1837 годах» было впервые опубликовано в 1839 г. В отличие от американцев Н.С. Всеволожский не был профессиональным путешественником. Он сделал типичную карьеру имперского чиновника рубежа XVIII–XIX вв.⁷, проявив себя сначала как военный, а потом как государственный деятель.

Следует отметить, что все три травелога, два из которых были опубликованы непосредственно после завершения путешествий, писались специально для продажи. Для американцев наиболее важно было представить «экзотические» страны и свои приклю-

чения максимально привлекательно, чтобы увеличить продажи. Н.С. Всеволожский же констатировал успех имперского проекта России, конструируя Юг как европейское пространство, противопоставленное азиатской Турции, расположенной по соседству.

Свидетельства американцев об Одессе вызывают большой интерес, так как для многих жителей новообразованных Соединенных Штатов Америки Россия оказалась близка в культурно-историческом плане⁸. Кроме того, страны сближал тот факт, что и для России, и для Америки европейский «Другой» был конституирующим, а для Европы-центра обе страны выполняли функцию полудивилизованной периферии⁹. Одесса же, как и Петербург, напоминала темпами своего роста и экономическим успехом города Новой Англии.

Вот что пишет по этому поводу Дж.Л. Стефенс, предпринявший путешествие в Россию в 1835 г.:

Для американца она [Россия] представляет большой интерес. Действительно, у нее необычная история, но я, побывав в поблекших и состарившихся королевствах Старого Света, был готов к чему-то новому. Как и мы, Россия – новая страна и во многих отношениях похожа на нас. Это правда, что мы начали жизнь по-разному. Россия проторила свой путь к цивилизации из состояния абсолютного варварства, в то время как мы вышли на свет с преимуществом всего блеска Старого Света. Есть еще много тем для сравнения и даже подражания между нами, и нигде во всей России невозможно найти более подходящей темы, чем место моей первой высадки [т. е. Одессы]¹⁰.

Далее Стефенс проводит интересную параллель. Для него Одесса олицетворяет в миниатюре тот путь, который проходит вся Россия: от нескольких рыбацких хижин к прекрасному городу, от страны, покоящейся во тьме и забвении, к блестящему и великому государству:

Нет такой страны, где города появлялись бы из ниоткуда столь быстро и росли бы так стремительно, как наша. В общем и целом, возможно, ничто в мире не может быть сравнимо с нашими Буффало, Рочестером, Цинциннати и т. д. Но Одесса выросла быстрее, чем любой из них, и не имеет ничего общего с внешним обликом ни одного из этих новых городов¹¹.

Примерно о том же размышлял и Г. Уикофф: «История Одессы занята, и ее рождение произошло также не столь давно, как и у американских городов»¹².

В свою очередь Н.С. Всеволожский, как и его американские коллеги-путешественники, тоже удивляется скорости и масштабу роста города:

Одесса, прежде бедная татарская деревенька, Гаджибей, при которой находилось небольшое турецкое укрепление, показалась Адмиралу О.М. де Рибасу удобным местом для построения города и пристани. <...> Но до восшествия на престол Императора Александра I Одесса еще мало подвигалась к цветущему состоянию. [При графе де Ришелье] город со своей стороны застроил пристань, новый и обширный карантин, положил основание огромному собору, католической церкви, госпиталю, театру, словом: почти всем заведениям, которые ныне ставят Одессу наравне с богатейшими городами в Европе¹³.

Для Г. Уикоффа Одесса также предстала западным городом, который будто перенесся сюда из Италии:

На восьмой день мы приехали в Одессу, и я испытывал желание поверить, что по какому-то волшебству мы оказались в маленьком итальянском городке: настолько ароматным был воздух и настолько прекрасным был вид города с его величественными гранитными домами, широкими улицами, богатой листвой и очаровательным променадом на набережной Черного моря, почти такого же прелестного, как Средиземное. <...> Я не мог даже представить себе, что все еще нахожусь в Российской империи, ассоциируемой с холодом, снегом и огромными меховыми накидками даже в теплом октябре. <...> В ней [Одессе] не было ничего или почти ничего русского. Ее жители были по большей части итальянцами или греками, также встречались французы, немцы и англичане¹⁴.

Последняя черта – пестрая интернациональность местного населения – удивляла всех путешественников в Одессе. «Я видел здесь людей всех наций: греков, итальянцев, немцев, французов, жидов (их здесь много), армян и толпу украинцев, отдыхающих между волами и фурами своими на площадях», – так описывает жителей города Всеволожский¹⁵. Дж.Л. Стефенс, только-только сойдя с корабля для прохождения регистрации, также отмечает эту особенность города:

Нас всех вызывали по одному: капитана, кока, юнгу, пассажиров из салона и палубы, так что никогда, вероятно, стимбот не извергал из себя столь пестрой компании, как наша. В ней были евреи, турки и христиане; русские, поляки и немцы; англичане, французы и итальянцы; австрийцы, греки и иллирийцы; молдаване, валахи, болгары и славяне; армяне, грузины и африканцы, а также один американец¹⁶.

Очевидно, что Стефенса очаровала эта разношерстная компания, проходящая регистрацию в одесском порту: его описание этой процедуры выдает восторг путешественника от того, что в этом миниатюрном вавилонском столпотворении поучаствовал и представитель США. Еще больший восторг у него вызвал русский офицер, «который проводил осмотр и который обращался к каждому на его родном наречии, очевидно, с той же легкостью, будто это его собственный язык»¹⁷.

Эта деталь является для нас чрезвычайно важной, поскольку позволяет еще раз вернуться к более широкой теме: представлений о России и ее месте на карте воображаемой географии. Топос «смешения языков» характерен для западных представлений об Oriente, напоминая о Вавилоне, однако тот факт, что имперский (т. е. правительственный) представитель – офицер – был настолько образован, что, казалось, говорил с каждым на его собственном наречии, свидетельствует одновременно и о просвещенности власти, и о ее *внеположности*. Это, с одной стороны, заставляло западного путешественника проникнуться уважением к ней, а с другой – побуждало игнорировать представителя империи как *истинно русского* и требовало искать подтверждения предзнанию о России как о стране полуварваров.

Так, например, Стефенс, несмотря на постоянный восторг от успеха одесского проекта, напоминающего прогресс городов США, постоянно делает замечания по поводу нравов жителей, обнажающих их «нецивилизованность». В лазарете он отмечает разное отношение людей к знатым господам и беднякам, а также находит странным запрет на чтение Байрона¹⁸. В *первоклассном французском* отеле Одессы постелью ему служит лишь деревянное реечное днище кровати¹⁹. Как ему позднее скажут, гости приносят матрасы и постельные принадлежности самостоятельно. Стефенсу подобные сочетания отсталого и прогрессивного представляются совершенно невероятными, в чем он и признается, говоря о том, «что Россия – это страна аномалий»²⁰.

Одним из эпизодов, еще более подчеркивающих эту *аномальность*, может служить неудачное посещение американцем одесской оперы. С одной стороны, «интерьер театра согласуется с красотой его внешнего вида. Все декорации отвечают самому высокому вкусу. Особенно прекрасны коринфские колонны, поднимающиеся от пола до самой вершины». Но с другой – «опера называлась “Севильский цирюльник”, вся труппа была *полностью* раздета и выглядела настолько *по-варварски*, что я не смог смотреть представление»²¹. Читая это признание Стефенса, поневоле вспоминаются

образы *фасада* и *ширмы*, которые являлись ключевыми компонентами характеристики России как недопросвещенного пространства: несмотря на внешний прогресс страны и ее жителей, где-то внутри все равно остаются элементы той, до-*исторической*, доевропейской Татарики или Скифии, которые то и дело прорываются наружу через повседневные практики и вкусы.

Проводимые путешественниками параллели с прошлым и в особенности с древнегреческими мифами только подчеркивали амбивалентность восприятия Одессы. Тот факт, что она находилась на берегу Черного моря, издавна ассоциировавшегося с аргонавтами и вход в которое – Босфор – разделял географические (но не для всех воображаемые) Европу и Азию, помогал идентификации города на карте философской географии. Американец Стефенс, отплывая из Стамбула в направлении русского Северного Причерноморья, рисовал ориентальный идиллический образ, где смешались мифы, история и реальность:

Когда узкий проход [Босфора] закрылся за нами, я почувствовал себя входящим в новый мир. Я плыл почти по той же воде, которая когда-то, согласно древним легендам, была смешана с Каспийским морем и покрывала великую восточную равнину *Татарии* и по которой Ясон вместе с доблестными аргонавтами, убив дракона и забрав золотое руно из Колхиды, если те самые легенды были правы (в чем есть сомнение), плыл к великому океану²².

Очевидно, исходя из представлений читателей, Стефенс описывает свое удивление, не найдя русских холодов в Одессе: «Здесь ничего не подтвердило моих предвзятых ожиданий: вместо того, чтобы обнаружить суровый край вечных снегов, мы страдали от изнуряющего жаркого солнца»²³.

Таким образом, предзнание Стефенса о пространстве Российской империи конструировалось исходя из идентификации ее как Оrients (в противопоставлении Цивилизации Запада *Татарии* Востока) или холодного Севера (на основе введенной философами Возрождения ассоциации теплого Юга с интеллектом и культурой, а Севера – с силой и дикостью).

Миф о Ясоне и аргонавтах был важен и для мироощущения Всеволожского во время его путешествия из Одессы в Стамбул.

Мы пошли к Фракийскому Босфору: уже виден был берег Европы. Я заметил, что Азиатская сторона вообще гораздо выше Европейской. <...> Тысячи мыслей и воспоминаний исторических теснились в моем

воображении: я видел, кажется, Язона и знаменитых его сопутников, выплывающих из Босфора Фракийского и утраченных Кианийскими скалами. <...> Я воображал также древних предков наших, смелых норманнов, плывущих на легких и утлых ладьях своих, под предводительством Олега, Игоря, опустошать богатые берега и налагать дань на приведенных в ужас слабых императоров Константинопольских. Железные предки наши как будто указывали путь могущественным наследникам своим.

Воображаемые границы, разделяющие Восток и Запад, у Всеволожского отличаются от тех, которые рисует Стефенс. Если американец не делает особой разницы в культурном измерении между покидаемой им Турцией и Россией – для него обе страны есть часть одного большого, внутренне неоднородного Ориента, – то русский путешественник ясно ощущает, что, отплыв из Одессы, он покидает воображаемую Европу и попадает в Азию, подчиненное отношение которой к России конструируется через реактуализацию легендарной истории о походах первых русских князей на столицу Византии. Идентификация русских как европейцев достигается двумя способами на уровне языка. Во-первых, сам факт превосходства русских над ромеями, наследниками древних римлян, имеющих сакральный статус в череде образов, характеризующих самоидентификацию современных европейцев, формально ставит их на один уровень на воображаемой цивилизационной лестнице с «просвещенными» нациями. После вышеприведенного отрывка из травелога Всеволожский также рассуждает об интересе России к Босфору, теперь уже занятому турками-азиатами. Ее многочисленные военные победы над своим соседом, по мысли путешественника, также свидетельствуют о подчиненном, вторичном положении Турции-востока к России-западу. Во-вторых, именование русских князей «норманнами» апеллирует к североевропейской, а не к азиатской (как это было у Стефенса) теории происхождения русских как народа и России как государства в целом.

Таким образом, что русские, что американские путешественники в первой половине XIX в. в целом отказывались однозначно идентифицировать культурную принадлежность Одессы, несмотря на ее европейский облик и имперское происхождение. Однако американцам Одесса выдавала свое восточное (русское) происхождение «аномалиями», которых не было в истинных западных городах. Ожидание обнаружить пресловутые «аномалии» диктовалось культурным предзнанием о России как стране, только прикрытой

тонким слоем *цивилизации*, под которым можно обнаружить остатки древней страны скифов и татар.

Русские же отказывались принимать Одессу как «свой» город именно потому, что в ней было слишком много иностранного. Она представляла своего рода приятной диковинкой, кусочком итальянской Ривьеры, по удивительному стечению обстоятельств оказавшейся на Черноморском побережье России, не вписывающейся в привычные культурные рамки и застрявшей между Востоком и Западом.

Если русским путешественникам Босфор виделся границей между Европой и Азией, то американским – он лишь напоминал о внутренней неоднородности Ориента. Особенность взгляда на Россию из-за океана первой трети XIX в. заключается в том, что американцы лишь начинали не только «открывать» ее для себя, но и изобретать собственную идентичность, которой требовались свои «Другие». Во многом поэтому и благодаря геополитической обстановке, где обе страны находились на периферии просвещенного мира и не имели пересекающихся интересов, образ России в США становился более позитивным, чем в странах Европы.

Примечания

- 1 Аксаков И.С. Письма к родным: В 2 т. Т. 1: 1844–1849. М.: Наука, 1988. С. 408–409.
- 2 Там же. Т. 2: 1849–1856. М.: Наука, 1994. С. 393.
- 3 См.: Долинин А.А. Гибель Запада: к истории одного стойкого верования // К истории идей на Западе: «Русская идея»: Сб. статей. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2010. С. 26–76.
- 4 Москвитянин. 1841. № 4. С. 554–555.
- 5 Там же. 1841. № 6. С. 536.
- 6 См.: Нойманн И. Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М.: Новое изд-во, 2004. С. 121–125; Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М.: Новое литературное обозрение, 2003. С. 205–207.
- 7 См.: Уортман Р.С. Властители и судии: развитие правового сознания в императорской России. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 53–93.
- 8 См.: The American Image of Russia. 1775–1917 / Ed. by E. Anshel. N.Y.: Ungar, 1974. P. 118–121; Saul N.E. Distant Friends: The United States and Russia, 1763–1867. Lawrence: University Press of Kansas, 1991. P. 97–102, 117–121.
- 9 См.: Курилла И.И. Заокеанские партнеры: Америка и Россия в 1830–1850-е годы. Волгоград: Издательство ВолГУ, 2005. С. 345–347.

- ¹⁰ *Stephens J.L.* Incidents of Travel in Greece, Turkey, Russia, and Poland. Edinburgh: Printed by William and Robert Chambers, 1839. P. 56.
- ¹¹ Ibid.
- ¹² *Wikoff H.* The Reminiscences of an Idler. N.Y.: Fords, Howard and Hulbert, 1880. P. 231.
- ¹³ *Всеволожский Н.С.* Путешествие чрез Южную Россию, Крым и Одессу в Константинополь, Малую Азию, Северную Африку, Мальту, Сицилию, Италию, Южную Африку и Париж в 1836 и 1837 годах. [В 2 т.] Т. 1. М.: Тип. Августа Семена, 1839. С. 87–90.
- ¹⁴ *Wikoff H.* Op. cit. P. 231.
- ¹⁵ *Всеволожский Н.С.* Указ. соч. С. 93.
- ¹⁶ *Stephens J.L.* Op. cit. P. 54.
- ¹⁷ Ibid.
- ¹⁸ Ibid. P. 56.
- ¹⁹ Ibid.
- ²⁰ Ibid. P. 57.
- ²¹ Ibid.
- ²² Ibid. P. 53.
- ²³ Ibid.